05
Р-892

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1898.

05:8(С)(05)

ИнвАб 39172 1947

АС-XXVI-542
А-9122

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.

891.705
RUS
1898
no. 6

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.—**А. А. Стаховича.** *Продолженіе* . 1

II. ИЗЪ ПРОШЛАГО.—**Н. Н.** 21

III. ДЕРЕВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ ЛЮДВИГА АНЦЕНГРУБЕРА (Переводъ съ нѣмецкаго).—**Н. К.** 74

IV. ПУСТЫННОЕ СЕРДЦЕ. Романъ.—**В. Я. Свѣтлова.** *Окончаніе.* . 105

V. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ **Генрика Сенкевича.** Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 156

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**К. Д. Бальмонта.** 186

VII. НА ПОРОГѢ УПАДКА (А. Н. Апухтинъ).—**Н. Коробки.** . . 1

VIII. СТУДЕНТКА НА ВОЙНѢ (Письма съ войны 1877 г.).—**Е. С. Некрасовой** 37

IX. НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ И НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.—**В. П. Вахтерова.** *Продолженіе.* 56

X. ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ. (Къ столѣтію со дня рожденія). **П. С. Когана.** *Окончаніе.* 67

XI. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ГРАМОТНОСТИ. (Годичное засѣданіе 30 апрѣля).—**Н. Т—ва.** 86

XII. ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ КООПЕРАЦІИ.—**И. Х. Озерова.** 96

XIII. ИСТОРІЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. (Рѣчь проф. Винденбальда).—**М. Ф.** 112

XIV. ГОСУДАРСТВО КАКЪ ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.—**Ѳ. К.** 127

XV. ПОЛЕМИСТЪ КОНЦА ВѢКА. (По поводу письма въ редакцію М. Н. Соболева: «Новый видъ научнаго цензора». *Русская Мысль,* 1898 г., № 3).—**В. В. Сапожникова.** 144

Стр.

XVI. ФИЛОСОФІЯ ОДНОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬИ. (По поводу столѣтняго юбилея г. Джіакомо Леопарди 29 іюня 1898 г.)— **В. Фриче** 155

XVII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.— **Н. Ѳ. Казанскаго** 173

XVIII. МЕЛОЧИ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА.—**Н. И. Стороженка** . 197

XIX. НАСЕЛЕНІЕ И ХОЗЯЙСТВО АВСТРАЛИИ—**А. Ф. Фортунатова** . 204

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Чествованіе Бѣлинскаго.—Орловскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ.—Притязанія уральскихъ поссессіонныхъ заводчиковъ.—Педагогическіе курсы въ Курскѣ.—Общество для пособія студентамъ и его должники.—† М. А. Саблинъ.—Отъ Лермонтовской библіотеки въ Пензѣ.—Отъ конторы *Русскихъ Вѣдомостей* 220

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 232

XXII БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *май*.—«Научное Обозрѣніе», *январь—апрѣль*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня. 225

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Студентка на войнѣ.

Письма съ войны 1877 года.

(Изъ Румыніи).

Въ прошломъ году минуло 25 лѣтъ со времени основанія «Женскихъ Врачебныхъ Курсовъ» и 20 лѣтъ со времени окончанія ученія студентокъ-піонерокъ. По случаю этого двойнаго юбилея считаю долгомъ помянуть добрымъ словомъ всѣхъ студентокъ перваго выпуска, какъ піонерокъ женскаго дѣла, которыя, пойдя по стопамъ Сусловой, заявили себя не однимъ усерднымъ отношеніемъ къ лекціямъ и экзаменамъ, а и непреложною вѣрой въ поставленную цѣль — пробить дорогу, добиться званія врача, и твердымъ убѣжденіемъ въ правильность своихъ стремленій; піонерки были сильны своимъ убѣжденіемъ, идеалами и сознаніемъ пользы намѣченной общественной задачи. Онѣ добивались правъ врача не лично только для себя, а и для всѣхъ слѣдующихъ поколѣній русскихъ женщинъ. Потому піонерки,— куда бы ихъ ни забрасывала судьба, во время ли курса, послѣ ли его окончанія, никогда и нигдѣ не забывали своей задачи—пробивать дорогу и покорять общественное мнѣніе. Это сознаніе общественнаго значенія своихъ дѣйствій и поступковъ, главнымъ образомъ, и выдѣляетъ ихъ изо всѣхъ остальныхъ выпусковъ.

Но среди піонерокъ оказалась еще группа лицъ, выдѣлившихся своей исключительной энергіей, упорствомъ въ достиженіи цѣли и въ борьбѣ съ препятствіями.

Извѣстно, что время окончанія ученія перваго выпуска совпало съ началомъ войны за независимость болгаръ. Въ то время, когда лѣтомъ 1877 года большинство піонерокъ, окончившихъ ученіе, усердно готовились къ выпускному экзамену, нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе энергичныя, къ которымъ примкнуло и нѣсколько студентокъ, перешедшихъ съ IV на V курсъ, рѣшили идти на войну съ тѣмъ, чтобы, воспользовавшись неожиданнымъ случаемъ, на дѣлѣ доказать способность женщины быть врачомъ, а чрезъ это добиться потомъ и званія врача. И болѣе энергичныя изъ піонерокъ и студентокъ слѣдующаго выпуска добровольно взяли на себя эту миссію, пошли на тяжелый трудъ, не убоявшись никакихъ трудностей: пошли служить въ госпитали, лѣчить солдатъ, работать на перевязочныхъ

пунктахъ, переносить всѣ невзгоды военной бивуачной жизни,—и на самомъ дѣлѣ выносили такія трудности и невзгоды, которыя онѣ и сами не воображали, что въ состояніи перенести. И вотъ эта-то исключительная энергія и сила характера и выдѣляютъ этихъ подвижницъ даже изъ числа піонерокъ. Онѣ своею исключительною энергіей, своимъ трудомъ добились того, чѣмъ русской женщинѣ, можетъ быть, еще долго не пришлось бы пользоваться.

Поѣхавшія на войну съ первыхъ же дней стали добиваться самостоятельнаго положенія, должности врача, равныхъ правъ съ мужчиною-врачомъ... работали, трудились и вначалѣ ни на минуту не забывали, за чѣмъ пріѣхали. И только впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ вокругъ нихъ стали надвигаться невзгоды войны со всѣми ужасами, поразившими ихъ своею необычайностью, студентки, пріѣхавшія завоевывать права и занимавшія уже должности на однихъ правахъ съ врачами-мужчинами, при видѣ общественныхъ бѣдствій забывали обо всемъ, кромѣ человѣческаго чувства состраданія къ раненымъ, видъ и положеніе которыхъ надрывали имъ души. И онѣ служили, работали, помогали раненымъ солдатамъ, но не лѣкарствами только, а всѣмъ, чѣмъ могли.

Немыслимо было, чтобы такой самоотверженный, изъ ряда вонъ выходящій трудъ прошелъ незамѣченнымъ. И императоръ Александръ II замѣтилъ его: по окончаніи войны онъ далъ женщинѣ званіе врача, нагрудный знакъ, а нѣкоторыхъ изъ бывшихъ на войнѣ наградилъ и орденомъ.

Но это славное завоеваніе не обошлось безъ жертвъ. Среди поѣхавшихъ на войну нѣкоторымъ пришлось поплатиться цѣною жизни за упорное преслѣдованіе намѣченныхъ идеаловъ. Къ числу такихъ безспорно принадлежитъ Варвара Степановна Некрасова. Измученная весь 1877 годъ чрезмѣрнымъ трудомъ, сперва работою и усиленнымъ слушаніемъ лекцій въ медицинскихъ клиникахъ Вѣны, гдѣ она прожила весну и часть лѣта съ цѣлью пополнить пробѣлы медицинскихъ знаній, потомъ пяти-мѣсячнымъ тяжелымъ трудомъ на войнѣ, работая въ госпиталяхъ, сперва Румыніи, потомъ Болгаріи, на перевязочномъ пунктѣ—подъ Горнымъ Дубнякомъ,—она уже не въ силахъ была перенести тифъ, которымъ заразилась въ Систовѣ, въ одномъ изъ госпиталей, при исполненіи обязанностей врача, и 27 декабря 1877 года ея не стало.

Надъ ея могилой въ Систовѣ неизвѣстно кѣмъ поставленъ памятникъ съ надписью:

«Больше сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя» *).

Въ виду возбужденнаго въ послѣднее время интереса къ піонеркамъ Женскихъ Врачебныхъ Курсовъ и особенно къ дѣятельности женщинъ-вра-

---

*) Впослѣдствіи я узнала, что памятникъ поставленъ ученымъ инженеромъ и высоко-талантливымъ художникомъ, Вас. Ник. Китаевымъ, который недавно сошелъ въ могилу, полный жизни, силъ и таланта.

чей на войнѣ, я предлагаю здѣсь въ сокращенномъ видѣ часть писемъ, изъ Румыніи, названной умершей студентки къ сестрѣ; письма вполнѣ заслуживаютъ общественнаго вниманія, такъ какъ они знакомятъ съ положеніемъ, дѣятельностью и жизнью студентки на войнѣ, пріѣхавшей туда завоевывать для женщины права врача,—и живо рисуютъ картины эвакуаціонной госпитальной жизни.

Е. Некрасова.

№ 1. Съ дороги на войну. 1 августа 1877 г. *).

Вотъ мы и на пути въ дѣйствующую армію. А сколько было хлопотъ, сколько крови испортилось, прежде чѣмъ студентки достигли этого! Нужно было, чтобы Общество Краснаго Креста согласилось принять насъ на свою службу, чтобы потомъ вышло разрѣшеніе изъ главной квартиры—отъ главнокомандующаго. На все это потребовалось очень много времени, которое при томительномъ ожиданіи тянется какъ-то еще дольше. Но, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюля 20 человѣкъ изъ насъ получили призывъ съ поля военныхъ дѣйствій. Мы не знаемъ еще, что насъ ожидаетъ впереди, куда попадемъ, какія обязанности возложатъ на насъ. Насъ снабдили даровымъ билетомъ на проѣздъ, дали по 150 руб. подъемныхъ, по 75 руб. жалованья въ мѣсяцъ и обѣщали держать на офицерскомъ положеніи, т.-е. давать даровую квартиру и столъ. Это мнѣ передавала С...на, что имъ сказалъ это президентъ академіи Козловъ **), къ которому онѣ являлись; онъ имъ сказалъ и напутственную рѣчь, совѣтуя не посрамить его рекомендаціи. Онѣ три (съ IV курса) потому попали въ число 20, что изъ нашихъ ***) три не поѣхали. Козловъ было не хотѣлъ ихъ посылать, потому что не имѣлъ ихъ фамилій въ спискѣ Марьи Григорьевны ****), а что онъ, вишь, ручается только за тѣхъ, которыя тамъ записаны. Только поѣхавшія съ его ручательствомъ студентки будутъ на офицерскомъ положеніи. Начальство наше снабдило насъ и свидѣтельствами такого содержанія: «Такая-то окончила... пятилѣтній курсъ врачебныхъ наукъ и можетъ исполнять медицинскія обязанности наравнѣ со студентами медико-хирургической академіи соотвѣтствующаго курса». Но, вѣдь, такихъ студентовъ нѣтъ,—они уже выпущены, они—врачи, а мы, какъ женщины, не подлежали ускоренному выпуску; насъ, навѣрно, и теперь не выпустятъ еще, несмотря на то, что предположено выпустить студентовъ не только IV, но и III курсовъ.

Мы ѣдемъ на войну не въ санитарномъ отрядѣ, да и изъ себя не изображаемъ отряда,—всѣ ѣдемъ въ разсыпную. Въ числѣ этихъ 20 человѣкъ всего 3 студентки съ IV курса, т.-е. только-что перешедшія на V, остальныя же всѣ прошли пятигодичный курсъ и должны бы были подлежать

---

*) Два-три изъ предлагаемыхъ здѣсь писемъ были въ 1877 г. помѣщены въ *Рус. Вѣд.*

**) Козловъ—президентъ медико-хирургической академіи.

***) Т.-е. студентокъ V курса.

****) М. Г. Ермолова—первая инспектрисса Врачебныхъ Курсовъ.

предстоящей осенью окончательному выпуску, но въ силу военныхъ событій, вѣроятно, этотъ выпускъ замедлится...

Въ моемъ отдѣленіи (вагона) всего только одна старуха, которая ѣдетъ въ Орелъ,—значитъ, пробудетъ со мной до 1 часа ночи.

Эти строки я пишу въ Лаптевѣ, за 2 станціи до Тулы. Ѣхать одной чрезвычайно скучно, думала было читать, но ничего не идетъ въ голову, только *Новое Время* прочла.

Козловъ желаетъ, чтобы нѣкоторыя изъ насъ отправились на перевязочные пункты, чтобы доказать свое безстрашіе. При другихъ условіяхъ я бы была отъ этого не прочь; теперь же откажусь отъ этой чести. Однако, писать во время ѣзды не удобно. А вѣдь я долго теперь отъ васъ не получу никакихъ вѣстей...

2 августа.

Вотъ я и въ Кіевѣ. Но объ этомъ потомъ, сперва нѣсколько словъ о другомъ. Съ Курска пришлось сидѣть въ одномъ вагонѣ со студентками, отъ которыхъ узнала, что къ Козлову ихъ обязали зайти: безъ этого Величковскій *) не давалъ отпуска, а Козловъ — говорятъ — перевелъ насъ на службу военнаго министерства; говорилъ, что мы будемъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ часто будетъ бывать государь и другіе члены царской фамиліи, а потому *совѣтовалъ* запастись приличнымъ одѣяніемъ и просилъ не вступать ни въ какія сношенія съ обществомъ сестеръ милосердія, которыя, будто бы, всѣ уже перессорились.

Подъѣзжая къ Кіеву на станціи Боброкъ (2-ая станція отъ Кіева), мы встрѣтили санитарный поѣздъ (№ 1) государыни, который везъ на сѣверъ солдатъ, раненыхъ подъ Плевной 18 іюля. Большинство изъ нихъ легко раненые, съ перевязанными руками, головами и т. п., большинство или сидятъ, или ходятъ,—лежатъ на висячихъ кроватяхъ очень немногіе; у всѣхъ лица веселыя, даже довольныя; всѣ очень чисто одѣты, нисколько не кажутся испитыми, курятъ табакъ и, улыбаясь, осматриваются по сторонамъ. Они представляли совершенную противоположность съ 25-ой ротой солдатъ (5 бригада), отправляющихся подъ Плевну, которую мы тоже встрѣтили на этой станціи. Они,—говорятъ,—стояли въ Динабургѣ, выѣхали оттуда въ пятницу, ѣдутъ въ товарныхъ вагонахъ. Я ихъ спрашивала, удобно ли имъ ѣхать. «Днемъ - то еще ничего, дышатъ вольготно: мы отворяемъ двери; а ночью поневолѣ затворяешь,—хотя и душно, а то и вывалиться недолго». Всѣ они малорослые, жалкіе, исхудалые, съ грустью посматриваютъ на своихъ раненыхъ товарищей, такъ что невольно сердце сжимается, глядя на нихъ.

Я спрашивала одного студента изъ санитарнаго поѣзда, сколько у нихъ раненыхъ. Они говорятъ, что изъ Яссъ взяли въ каждый вагонъ по 20 человѣкъ, теперь же везутъ по 16, остальные примерли. Въ Кіевѣ на то-

*) Начальникъ Врачебныхъ Курсовъ съ тѣхъ поръ, какъ они изъ медико-хирургическо йакадеміи перешли въ военный госпиталь, гдѣ Величковскій былъ главнымъ докторомъ.

варной станціи встрѣтили еще санитарный кіевскій поѣздъ, такъ называемый Юсуповскій, тоже везетъ раненыхъ подъ Плевной 18 іюля. Этотъ поѣздъ дальше не поѣдетъ: часть больныхъ онъ размѣстилъ по дорогѣ въ госпиталяхъ, а другую часть оставитъ въ Кіевѣ и снова поѣдетъ за новымъ транспортомъ...

Хочу завтра поискать здѣсь оперативную хирургію Пирогова или Фишера, а также куплю еще $^1/_2$ фунта чаю. Отъ Курска до Кіева у меня за багажъ ничего не взяли.

Напишу теперь съ Раздѣльной, т.-е. послѣ-завтра утромъ, открытое письмо, а какъ слѣдуетъ—буду писать изъ Унгенъ, когда узнаю, куда насъ направятъ. Сегодня на вокзалѣ было такъ много народу, что я даже не могла взять съ собой въ гостиницу багажъ, не нашла и начальника станціи, чтобы сказать о телеграммѣ *).

На дорогѣ встрѣтилась съ какой-то купчихой московской, которая ѣдетъ съ мужемъ въ Кіевъ молиться. Узнавши, что я ѣду на войну, она спросила мое имя: «Я—говоритъ—буду за васъ молиться угодникамъ». Всѣхъ крѣпко цѣлую. Главное—не безпокойтесь обо мнѣ.

Теперь на Дунай стягиваются отовсюду войска, и, навѣрное, дѣла пойдутъ удачнѣй, хотя взятіе Плевны снова оказалось фальшивою вѣстью; я уже имѣю *Кіевскій Вѣстникъ*,—это не правда, что подъ Плевной перерѣзанъ санитарный отрядъ,—есть опроверженіе. Я позавидовала врачебному персоналу на санитарныхъ поѣздахъ.

Ст. Ярощенко, 4 августа 1877 г.

Сейчасъ только выѣхали изъ Жмеринки, вечеромъ будемъ въ Раздѣльной. Въ Кіевѣ на станціи хотя я и видѣла нашихъ студентокъ 5-го курса, но съ нами онѣ не поѣхали,—должно быть остались осматривать Кіевъ. Дорога совсѣмъ безъинтересная; мѣстами встрѣчаются на станціяхъ солдаты, ѣдущіе въ телячьихъ вагонахъ. Со Жмеринокъ мы усѣлись въ офицерскій вагонъ. Офицеры говорятъ, что они всю дорогу ѣхали въ III классѣ и только теперь сѣли во II-й...

Станція Крыжаполь.

Въ нашемъ вагонѣ одинъ изъ офицеровъ подкутилъ, и товарищи, стыдясь и опасаясь за его поведеніе, предложили мнѣ (я оказалась единственной дамой во всемъ вагонѣ) пересѣсть въ отдѣльное купэ (того же вагона). Такъ мы съ Зѣнцомъ **) пересѣли и пользуемся чрезвычайно удобнымъ помѣщеніемъ.

Офицеры эти ѣдутъ съ Варшавы подъ Плевну для замѣщенія выбывшихъ изъ строя; они выбраны по жребію. Одинъ изъ нихъ такъ выразился о себѣ: «Ну, что я теперь? Я уже не цѣлый человѣкъ, а такъ — частичка; ужъ теперь никакая философія не поможетъ, ужъ порѣшилъ идти на смерть». Что мнѣ въ нихъ нравится—это отсутствіе боязни смерти, отсутствіе трусости; они не съ сокрушеніемъ говорятъ это, а совершенно

*) На эту станцію должны были прислать телеграмму на имя автора писемъ.

**) Студентъ медико-хирургической академіи, теперь—докторъ.

спокойно; восхищаются, что санитарная часть у насъ обставлена превосходно, что хоть есть шансы искалѣченному не умереть, «для родныхъ частичку оставятъ—и то хорошо».

Купила въ Кіевѣ нѣсколько инструментовъ, заплатила 12 руб. Арбузовъ тамъ совсѣмъ не было, да и дыни не дешевы; я, положимъ, великолѣпную купила за 15 к., но очень маленькую и съѣла за одинъ присѣстъ. Сливы по 1 к. десятокъ, а груши мы сейчасъ покупали (какъ у насъ дюшессы) по 5 коп. десятокъ.

5 августа.

Я уже ѣду въ Бухарестъ. Изъ Унгенъ мы выѣхали тотчасъ же.

Бухарестъ, 7 августа, воскресенье.

Мы пріѣхали вчера, но я не буду говорить пока о настоящемъ. Я уже писала, что мы встрѣтили Я—ую; потомъ ближе къ Унгенамъ, на одной изъ станцій, къ намъ присоединились еще двѣ студентки По—нъ и Василева, и три студента: Малышевскій, Ивановъ и еще одинъ. Три студентки выѣхали вмѣстѣ изъ Петербурга, заѣзжали въ Кіевъ—его осмотрѣть, а потомъ снова вмѣстѣ поѣхали дальше. Но вотъ на одной изъ станцій онѣ вышли на платформу, и Я—ой вздумалось пойти на базаръ за фруктами. Поѣздъ, конечно, оставаться долѣе обычнаго не захотѣлъ, и послѣ третьяго же звонка раздался свистокъ, паръ выпустили, и вагоны задвигались. Двѣ студентки уѣхали, а Я—ая осталась докушивать фрукты.

Въ Унгенахъ, къ величайшему моему удовольствію, мы уже составляли компанію въ 8 человѣкъ. Да нужно еще замѣтить, что дорогой мы встрѣтили уполномоченнаго отъ Краснаго Креста, г. М—ва, который обѣщалъ дать намъ «предложеніе» (т.-е. пропускъ черезъ границу и даровой проѣздъ). «Если же,—говоритъ,—вы бы меня не встрѣтили, такъ какъ я часто уѣзжаю изъ Унгенъ, то вамъ пришлось бы ѣхать на свой счетъ, потому что вамъ никто бы даже не сказалъ о моемъ существованіи; теперь же я узналъ, что вы здѣсь, отъ племянника А—ва». А племянника А—ва намъ указалъ какой-то студентъ на станціи... М—въ оказался очень хорошимъ человѣкомъ,—онъ былъ очень милъ съ нами и обѣщалъ въ случаѣ нужды что-нибудь исполнить, т.-е. переслать, если нужно, посылку и т. п. А книги, вѣроятно, мнѣ придется сюда выписать, и потому пусть Л. С. *) съ собой въ Питеръ ихъ не беретъ... Я очень сожалѣю, что не взяла съ собой лишняго чемодана, т.-е. что не взяла съ собой никакихъ нужныхъ для экзамена книгъ,—выписать ихъ черезъ посредство начальства придется непремѣнно. Мой чемоданъ оказался никуда негоднымъ, онъ почти весь развалился, такъ что я хочу себѣ купить здѣсь или большой сакъ-де-вояжъ, или же чемоданъ. Въ моей шляпкѣ здѣсь также нельзя ходить,—въ ней слишкомъ жарко. Ну, да, впрочемъ, вамъ это не интересно, я лучше продолжу о нашемъ путешествіи.

Въ Унгенахъ мы стояли всего часа два и потомъ поѣхали на Яссы.

---

*) Лидія Семеновна Мириманова, тогда студентка, теперь женщина-врачъ.

Тамъ насъ пересадили въ новые вагоны, и мы забрались (благодаря г. М—ву) въ I классъ, а то было бы просто мученье ѣхать во II-мъ, потому что устали очень. Если всѣ русскіе были такими свиньями въ вагонахъ I класса, какъ мы, то румыны должны быть очень недовольны наплывомъ своихъ братьевъ-славянъ: нашъ вагонъ къ концу путешествія превратился совершенно въ свиной хлѣвъ. Но отчасти виною—само управленіе дороги: поѣзда на станціяхъ останавливаются очень короткое время, такъ что приходится на станціи только покупать, а ѣсть уже въ вагонахъ, причемъ неизбѣжна дрызготня. Нужно еще къ этому прибавить то, что вагоны останавливаются, не доѣзжая до станціи, такъ что если бѣжать, когда зазвонитъ звонокъ, то можно и опоздать кромѣ того, иногда объявляютъ, что поѣздъ стоитъ 10 минутъ, а онъ на самомъ дѣлѣ стоитъ всего 3 минуты, а иногда, вмѣсто 2-хъ минутъ, стоитъ цѣлыхъ 15 минутъ, — поэтому выходитъ кутерьма ужасная. На одной изъ станцій мы попросили нашихъ студентовъ сходить въ буфетъ и купить чего-нибудь поѣсть посущественнѣй, а то все ѣли только одни фрукты. Только что они вошли въ вокзалъ, какъ поѣздъ двинулся. Всѣ пассажиры бросились изъ вокзала въ догонку за поѣздомъ. Нужно было въ эту минуту видѣть N: въ одной рукѣ у него бумага съ пирогами которые онъ несетъ для насъ, въ другой—кусокъ собственнаго недоѣденнаго пирога, а во рту непроглоченный кусокъ; фалды сюртука развѣваются, волосы тоже, самъ блѣдный, изо всѣхъ силъ бѣжитъ за удаляющимися вагонами... вотъ, вотъ сейчасъ догонитъ. Многіе уже повскакали на ходу. Еще минута—и онъ можетъ быть спокоенъ, но... это ужасно! поѣздъ бѣжитъ скорѣй, и онъ, обезсиленный, останавливается, напрасно протягивая впередъ руки. Вся эта картина не была бы смѣшна, еслибы тутъ не замѣшались пироги,—онъ хотѣлъ и пироги сохранить, и попасть въ вагонъ. Такъ бы ему и многимъ другимъ пришлось съ нами проститься; но то была фальшивая тревога: потребовалось только перевезти поѣздъ на другіе рельсы. Нѣсколько разъ и съ нами случались подобныя вещи, т.-е. мы вскакивали на ходу,—да здѣсь, кажется, всѣ имѣютъ обыкновеніе вскакивать на ходу. Въ пятницу, въ 2 часа дня, мы выѣхали изъ Унгенъ и утромъ въ 8 часовъ должны бы быть въ Бухарестѣ, но по какимъ-то для насъ неизвѣстнымъ причинамъ ночью поѣздъ стоялъ на дорогѣ (впрочемъ, не особенно далеко отъ одной изъ станцій) цѣлыхъ 6 или 8 часовъ, а потому мы въ Бухарестъ пріѣхали вчера, т.-е. въ субботу въ 6 часовъ вечера. На дорогѣ встрѣчали санитарные поѣзда, но они насъ больше уже не занимали; встрѣчали турокъ плѣнныхъ, къ которымъ ѣхавшіе съ нами офицеры ходили пить воду. Чтобы хоть сколько-нибудь слоевъ грязи смыть съ своего лица (пыли по Румыніи очень много), мы попросили кондуктора принести воды, и за это удовольствіе, т.-е. за двѣ бутылки, должны были ему заплатить что-то около франка, т.-е. по теперешнему курсу 40 к.

Не стану ужъ больше продолжать по порядку, продолжу съ момента пріѣзда (просто потѣха была, какъ ѣхали коробочками съ желѣзной до-

роги!) въ слѣдующемъ письмѣ, которое уже буду писать съ мѣста своего постояннаго пребыванія.

Съ проф. Х—кимъ я еще не видалась, но въ Красномъ Крестѣ сказали, что меня пошлютъ или къ проф. Корженевскому въ Зимницу, или къ проф. Я.,—и не знаю еще куда. Я думаю сегодня съ нимъ видѣться. Встрѣтилась здѣсь съ Добровольскимъ *), у него, можетъ быть, будетъ Кирпотенко. Яновская и Василева записались къ проф. Склифосовскому; я и Подрѣзанъ—къ Корженевскому, а Больботъ, вѣроятно, къ проф. Яновичу. Ну, да объ этомъ напишу потомъ обстоятельно.

Письма, вѣроятно, можно будетъ устроить, чтобы пересылали ко мнѣ, мои же будутъ и такъ доходить къ вамъ.

Всѣхъ крѣпко цѣлую. Жалованье будутъ выдавать золотомъ и за этотъ мѣсяцъ доплатятъ, что приходится по курсу, а курсъ—на 1 рубль=2 франка 60 сантимовъ.

Всѣхъ крѣпко цѣлую, а другимъ кланяюсь. Какъ бы хотѣла я знать, что мои всѣ письма дошли до васъ? Бухарестъ съ одной стороны смахиваетъ на Одессу—по домамъ и мостовымъ, а съ другой—на Москву, по грязи... Теперь мы стоимъ въ Hôtel d'Orient на Galea (улицѣ) Mogosoi, а уполномоченный г. Рихтеръ живетъ на Strada Romana.

№ 3. Фратешти, 9 августа.

Начинать съ настоящаго нѣтъ резона, хотя бы мнѣ отчасти это и хотѣлось, потому что это настоящее черезчуръ задѣваетъ за живое. Но лучше уже слушать продолженіе прошедшаго, которое, впрочемъ, я теперь не въ силахъ представить въ томъ комическомъ видѣ, въ какомъ оно представлялось и въ какомъ я желала бы его представить. Пріѣхавши въ Бухарестъ...

10 августа.

Видишь, какъ много успѣла я вчера написать, должно быть, придется отказаться совсѣмъ писать не только послѣдовательныя, но просто закрытыя письма. Я сама вырыла себѣ яму, не поѣхавши за Дунай къ профессорамъ, а оставшись у N*** въ Красномъ Крестѣ: здѣсь такъ много работы и притомъ все механической, что... лучше не говорить, лучше не судить, а по возможности передавать факты. Начну съ пріѣзда въ Бухарестъ. Мы наняли двѣ коляски, вещи положили на ломового и такимъ манеромъ двинулись въ гостиницу. Тамъ мужчины (четверо) взяли для себя №, и мы четверо взяли №... Началось распоковываніе чемодановъ, и комната превратилась въ складочный магазинъ, въ которомъ никто изъ насъ не могъ разобраться, кому что принадлежитъ. Приведя себя нѣсколько въ порядокъ, мы отправились въ баню. Пришлось ѣхать мимо фруктоваго рынка. Вдругъ Я—ая кричитъ: «Стой!» выскакиваетъ и начинаетъ торговать арбузы, дыни и т. д. Съ этимъ прошло много времени, такъ что въ баню мы пріѣхали очень поздно. Однако, нѣтъ, я не могу описывать послѣдодовательно, мысли не вяжутся въ головѣ. Попробую вкратцѣ дать понятіе о нашей жизни.

*) Извѣстный профессоръ.

Здѣсь существуетъ военный госпиталь, т.-е. безчисленное множество палатокъ, въ которыхъ больные лежатъ на землѣ, на тюфякахъ. Часть этого госпиталя, т.-е. половина или четверть всѣхъ палатокъ, перешла во владѣніе Краснаго Креста, гдѣ, какъ и надо всѣми другими госпиталями въ Румыніи, начальствуетъ проф. Х., онъ ѣздитъ по всѣмъ госпиталямъ въ качествѣ контролера. У насъ главнымъ врачомъ В. Г. Нестеровъ, потомъ еще четыре врача,—я еще и фамилій ихъ не знаю всѣхъ.

10-е августа.

Мѣстность отвратительная, нигдѣ ни одного деревца; постоянно проходятъ солдаты, а потому воздухъ представляетъ достаточную заразу. Есть здѣсь одинъ студентъ В—ій, ему препоручена дезинфекція мѣстности, помогаетъ ему французъ-спеціалистъ этой части, есть и человѣкъ пятьдесятъ солдатъ, которые постоянно чистятъ и зарываютъ. Но все это не помогаетъ или лучше—этого не достаточно. Кромѣ существующихъ палатокъ для больныхъ, есть отдѣльная палатка, изображающая собой аптеку или иначе—складъ: тутъ и лѣкарства, и съѣстные припасы, и вино, и наконецъ вещи докторовъ и отчасти студентовъ. Въ этомъ-то складѣ сижу и я въ данную минуту (тутъ же спятъ докторъ и фельдшеръ), потому что помѣститься больше негдѣ. Другая палатка поставлена для студентовъ; у нихъ очень хорошо: у каждаго по койкѣ. Третья палатка для сестеръ и фельдшерицъ, четвертая — наша столовая, въ которой, однако, теперь помѣщаются врачи, пріѣхавшіе на смѣну прежнимъ. Больше для насъ палатокъ не существуетъ, а есть вагоны и то въ очень незначительномъ количествѣ, такъ что, наприм., В. Г. Нестеровъ съ женой помѣщаются въ одномъ купэ второго класса. Вагоны здѣсь на манеръ заграничныхъ: входъ сбоку въ каждое отдѣльное купэ, которыхъ въ каждомъ вагонѣ по четыре. Мы съ студенткой О—ой тоже помѣщаемся въ одномъ купэ. Спать въ вагонѣ возможно только до 6 часовъ, а то и стѣны, и ручки дверей такъ накаляются, что можно обжечься. Днемъ же жаръ бываетъ невыносимъ — 55°, не знаешь куда дѣваться.—День проходитъ въ томъ, что мы, вставши часу въ 7-мъ, пьемъ чай въ столовой, — всѣ собираются вмѣстѣ, только сестры и фельшерицы составляютъ отдѣльную семью, — потомъ идемъ на обходъ палатокъ. Палатки распредѣлены по докторамъ, у каждаго доктора есть студентъ или студентка, т.-е., значитъ, дѣятельность студентокъ сводится на фельдшерскую. Я, какъ только пріѣхала, выразила неудовольствіе и заявила, что уѣду назадъ, вернувши даже за мѣсяцъ деньги... Черезъ нѣсколько времени В. Г. Нестеровъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «У насъ здѣсь теперь очень много народу и потому не желаете ли перейти въ сосѣднія военныя палатки?... Тамъ врачи даже будутъ рады, если вы возьмете все на свою полную отвѣтственность». Ну, такъ было мы и хотѣли сдѣлать, но вдругъ приходитъ отъ проф. Х. письмо, что онъ посылаетъ сюда другихъ докторовъ и что молъ присланные студенты тоже должны идти на смѣну прежнихъ, которыхъ требуетъ къ себѣ уполномоченный А—за. Тогда Нестерову осталось только снова меня вернуть въ эти палатки, но и тутъ онъ поста-

рался мнѣ дать поменьше дѣла. Онъ оставилъ для себя 2 палатки и просилъ съ нимъ вмѣстѣ взяться за нихъ. Онъ человѣкъ чрезвычайно милый, такъ что я была нисколько не противъ этого. Но Нестеровъ тоже хочетъ скоро уѣхать, тогда мнѣ неизвѣстно, что можетъ прійтись на долю. Я рѣшила вообще переговорить съ проф. Х. (онъ еще здѣсь не былъ) и дать понять всѣмъ окружающимъ врачамъ, что мы далеко не фельдшерицы, что мы «можемъ смѣть свое сужденіе имѣть»... Если же Х. что-нибудь будетъ возражать противъ этого, то я, нисколько не колеблясь, уѣду отсюда. Я сожалѣю, что не поѣхала къ нашимъ профессорамъ, что послушалась приказанія Козлова: тѣ, навѣрное, постараются не только не затирать, но скорѣе выставить тѣхъ студентокъ, которыя къ нимъ поѣхали. Здѣсь же врачи (приходится на практикѣ испытывать) далеко не дружелюбно относятся и стараются показать, что мы имъ неравныя, что мы столько не смыслимъ, что мы врачами не будемъ. Все это такъ скверно дѣйствовало и дѣйствуетъ на меня, что я подчасъ готова плакать отъ безсилія, даже досадно на себя... Я такъ разстроена всѣмъ этимъ, что, какъ видишь, пишу письмо безъ всякаго смысла. Я многое могла бы сообщить и по поводу санитарной части и рода заболѣваній, и наконецъ о нашей жизни, но я не могу, руки не поднимаются, жара ужасная, разлагающая, что въ свою очередь еще больше мѣшаетъ писать. Не знаю, дошли ли всѣ мои письма. Я уже два раза писала свой адресъ, теперь пишу еще: Въ Румынію, Дунайская армія, на станцію Фратешти (по дорогѣ изъ Бухареста въ Журжево), черезъ полевую почту № 11, въ военный госпиталь, № 46, студенткѣ такой-то.

Несмотря на всю безсодержательность письма, я его все-таки посылаю, потому что ѣдутъ въ Россію врачи, и слѣдовательно письмо дойдетъ непремѣнно, и вы, по крайней мѣрѣ, будете знать, что я здорова. Всѣ описанія остаются за мной... Говорятъ, что такихъ жаровъ не бывало, что они только вотъ дней 5 начались. Я надѣюсь начать правильную корреспонденцію, какъ только будетъ попрохладнѣе и вообще когда нѣсколько успокоюсь, думаю, что такое состояніе продолжится не долго, что съ слѣдующаго письма я въ состояніи буду продолжать начатый во 2-мъ письмѣ маршрутъ нашъ. Съ одной стороны, мнѣ бы не хотѣлось такъ скоро бросать все дѣло и ѣхать въ Россію, съ другой же—если не устроюсь, какъ слѣдуетъ, то уѣду. Заниматься къ экзамену нѣтъ никакой возможности. Главнымъ образомъ, у насъ работа бываетъ тогда, когда приходятъ транспорты больныхъ, ихъ сортируютъ по палаткамъ, потомъ перевязываютъ,—легкихъ, скоро могущихъ выздоровѣть, оставляютъ здѣсь; хроническихъ и среднихъ (негодныхъ для вторичной службы) отправляютъ дальше въ Россію, а самыхъ тяжелыхъ тоже оставляютъ, потому что они не могутъ доѣхать. Ну, да я все это опишу въ порядкѣ и разумно, когда буду покойнѣе. Крѣпко васъ всѣхъ цѣлую.

№ 4, Фратешти, 12 августа.

Вотъ такъ жизнь: у насъ шесть врачей, четыре студента, три студентки, три фельдшерицы, три фельдшера, и никто изъ насъ не знаетъ, какой

сегодня день: кто говоритъ четвергъ, кто—пятница, а кто—суббота,—такъ и не знаемъ.

Въ Бухарестѣ мы пробыли всего двое сутокъ, причемъ много пришлось бѣгать, много покупать изъ одѣянія, потому что у меня оказалось все теплое. На другой же день по пріѣздѣ наши отправились представляться къ уполномоченному г. Рихтеру и записываться, куда кто хочетъ. Меня записали къ Х., чему я тогда и порадовалась, потому что не желала ни къ N., ни за Дунай. Г. Рихтеръ и проф. Х. встрѣтили насъ чрезвычайно любезно.

. . . . . .

Въ настоящее время дѣйствительно дѣла мало; которые были больные—большинство ихъ отправлено дальше, а новыхъ транспортовъ нѣтъ; при мнѣ былъ одинъ только транспортъ, который меня и измучилъ порядкомъ. Да еслибъ еще больные были, не говорю, помѣщены въ домахъ, но хотя бы лежали въ палаткахъ на кроватяхъ, такъ все же удобнѣе было бы ихъ изслѣдовать и перевязывать, а тутъ большинство лежитъ на полу, такъ спина порядкомъ разболѣвается, когда снуешь отъ одного къ другому; но и то бы ничего, я бы и съ этимъ примирилась, да вотъ еще неудобство—многіе (особенно терапевтическіе) лежатъ не въ палаткахъ, а просто подъ навѣсомъ. Чтобы залѣзать туда, нужно изогнуться въ три дуги и тамъ уже ползать на колѣняхъ отъ одного больного къ другому,—вчера я такъ тридцать человѣкъ осмотрѣла,—причемъ вылѣзаешь оттуда вся обсыпанная насѣкомыми... Я не могла обобраться, вылѣзши оттуда,— ночью занималась этою пріятною работой. Но примиряюсь и съ этимъ, лишь бы не было такъ жарко, я въ жизнь свою не могла и вообразить, чтобы могло быть такъ жарко и при этомъ можно бы было существовать и даже работать. Однако все бы это ничего, *лишь бы дали самостоятельную роль. Этотъ вопросъ самый важный*, и вотъ онъ-то не удовлетворенъ, и онъ, въ случаѣ невозможности измѣнить дѣло, можетъ заставить черезъ мѣсяцъ уѣхать.

13-е, суббота.

Мнѣ даже самой противны тѣ письма, которыя приходится писать и посылать тебѣ. Но нѣтъ пока возможности иначе писать, нѣтъ даже мѣста. Теперь уже 12 ч. ночи, я только что вернулась изъ Бухареста, куда ѣздила за платьями, потому что у насъ ждутъ государя. Между прочимъ, я сдѣлала себѣ 2 лѣтнихъ платья и еще нѣсколько вещей и за всѣмъ тѣмъ у меня до 1 сентября еще осталось рублей 50.

Отъ г. Рихтера я уже получила добавочныхъ за этотъ мѣсяцъ 105 фр., всего же въ мѣсяцъ придется обыкновенно получать 300 франк. Однако, все это глупо и безъинтересно. Я лучше разскажу тебѣ о своемъ положеніи, оно начинаетъ «улучшаться къ лучшему», какъ выразился студентъ Л—въ, за что его достодолжно и подняли на смѣхъ; меня начинаютъ баловать не только В. Г. Нестеровъ, но и другіе врачи; не только тѣ, которые и сначала были за меня, но даже и тѣ, съ которыми я была не въ ладахъ. Но все же мое положеніе мнѣ не нравится. Оно безусловно лучше, чѣмъ положеніе М—ой и *-ой, которыя здѣсь со мной, но далеко не такое,

какого бы я желала. Впрочемъ, я удивляюсь, какъ врачи, вмѣсто того, чтобы поколотить меня за мои дерзкія рѣчи и ругатню, меня же ублажаютъ... Сегодня, на возвратномъ пути изъ Бухареста, я встрѣтилась съ В. Г. Нестеровымъ,—онъ сегодня утромъ туда поѣхалъ, а я вчера,—онъ сейчасъ же поспѣшилъ порадовать новостью, что нашъ госпиталь долженъ увеличиться,—построятъ эвакуаціонный баракъ, будутъ отсылать больныхъ на санитарныхъ поѣздахъ подъ наблюденіемъ студентовъ и студентокъ, «Только не знаю, будетъ ли это вамъ по вкусу,—можетъ быть, тоже не понравится?» Можетъ быть, дѣйствительно не понравится, но все же это удовольствіе я испробую, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ познакомлюсь со многими госпиталями. Если кто меня держитъ здѣсь, такъ это именно Нестеровъ, безъ него бы я не осталась: онъ такой прекрасный человѣкъ, онъ совсѣмъ свой въ кружкѣ нашихъ студентовъ, студентокъ и врачей.

Третьяго дня я узнала, что мимо будетъ проѣзжать проф. Бергманъ (я познакомилась съ его ассистентомъ) . . . . . .

. . . . . .

Да я не стóю того угожденья, которое меня здѣсь окружаетъ, а все-таки я этимъ обязана тому, что сначала много ругалась, отстаивая наши права.

Не далеко отъ насъ есть нѣсколько госпиталей, хочу туда сходить. Нашъ госпиталь возлѣ самой станціи желѣзной дороги, другой же въ самой деревенькѣ Фратешти, тамъ наша М—ва и главный докторъ К—нъ. Тамъ постоянный госпиталь. За двѣ станціи отъ насъ,—ближе къ Бухаресту,—тоже госпиталь, гдѣ д-ръ Ринксъ. Этотъ госпиталь, говорятъ, великолѣпно устроенъ. Корженевскій теперь въ Бѣлѣ, куда изъ нашихъ поѣхали: *Подрѣзанъ, Литова* и *Эккертъ*; проф. Склифосовскій въ Систовѣ; къ нему поѣхали: *Мельникова, Яновская* и *Василева. Матвѣеву* уполномоченный Рихтеръ уговорилъ остаться въ «Красномъ Крестѣ». *Бантле* поѣхала въ Браиловъ къ проф. Насилову. А студентокъ 4-го курса (3-хъ) проф. Чудновскій послалъ въ Браиловъ въ госпиталь «Краснаго Креста», подобный фратештскому, только онѣ тамъ не только фельдшерскую должность исполняютъ, но замѣняютъ и сестеръ милосердія «на время», по словалъ Х., а какъ мнѣ кажется—такъ на все время кампаніи.

14-е.

На второмъ письмѣ (закрытомъ) я забыла поставить номеръ. Пишите мнѣ или сюда, или же можно писать въ Бухарестъ на уполномоченнаго г. Рихтера: Strada Romana по Galea Mogosoi, № 2,—это значитъ для передачи во Фратешти. Буду писать на разные лады свой адресъ до тѣхъ поръ, пока не получу отъ кого-нибудь изъ васъ письма. Я была вчера въ Бухарестѣ, тамъ намѣревалась кончить это письмо, потому и возила его съ собой, но мнѣ столько надавали порученій, что, несмотря на цѣлыя сутки, я не имѣла ни минуты даже для того, чтобы пообѣдать.

Отъ Журжева мы живемъ всего въ 7 верстахъ, бомбардировка Рущука не только слышна, но и виденъ огонь (т.-е. нужно бы было, кажется, сказать наоборотъ?).

Наканунѣ моей поѣздки въ Бухарестъ мы съ Петровой чуть ночью не уѣхали въ Журжево, чтобы посмотрѣть на бомбардировку вблизи; но никакъ не могли достать лошадей, несмотря на то, что одинъ офицеръ съ ногъ сбился и сбилъ съ ногъ своего денщика, чтобы только исполнить наше желаніе. При мнѣ канонада была только разъ.

Пишите же мнѣ, а то вотъ скоро полмѣсяца я о васъ ничего не знаю. Съ меня аккуратности въ корреспонденціи требовать нельзя: все зависитъ отъ количества больныхъ. В. Р. Буцке поклонъ.

Фратешти № 5. 1877 г., 17 августа.

У насъ въ Россіи всѣ воображаютъ, что санитарная часть въ данную войну обставлена великолѣпно; на самомъ же дѣлѣ приходится сталкиваться съ тѣмъ, о чемъ и не воображалъ, живя въ Москвѣ и зная дѣло по газетамъ.

У насъ—эвакуаціонный пунктъ, больные не лежатъ, а постоянно транспортируются далѣе, ихъ мѣсто замѣняютъ новые и т. д., и т. д. Вотъ образчикъ прихода и сортировки больныхъ.

Является къ намъ въ столовую палатку П—въ (завѣдующій хозяйственною частью) и объявляетъ, что скоро прибудетъ транспортъ на столько-то больныхъ. Обыкновенно, когда откуда-нибудь (изъ мѣстъ ближайшихъ къ мѣсту дѣйствія) направляется транспортъ, къ намъ телеграфируютъ. Но весьма нерѣдко телеграмма приходитъ позднѣе самого транспорта, такъ что волы, которые везутъ больныхъ, оказываются быстрѣе телеграфной проволоки. Къ намъ больныхъ везутъ на волахъ (офицеровъ—въ кибиткахъ, а солдатъ—просто въ телѣгахъ подъ прикрытіемъ солнечныхъ лучей), а отсюда отправляютъ далѣе по желѣзной дорогѣ. Какъ только узнаютъ у насъ о приближеніи транспорта, такъ начинается всеобщее писанье: заготовляются разграфленные листки, въ которыхъ нужно обозначить фамилію, полкъ, болѣзнь, когда началась и т. д., начинается бѣготня въ аптеку, гдѣ каждый старается по возможности больше захватить медикаментовъ и т. п. для своей палатки.

Вотъ показываются издали телѣги, если есть офицеры—они являются первыми вѣстниками всего транспорта. Транспортъ не бываетъ меньше 300 человѣкъ, иногда доходитъ до 700—800 чел., или же въ день является 3—4 транспорта по 300—280 чел. Начинается разгруженіе на площадкѣ (покрытой пылью), окруженной палатками. Всѣ больные, за исключеніемъ офицеровъ, которыхъ прямо переносятъ въ отведенную имъ палатку, ложатся на этой площадкѣ, кладя каждый подъ головы имѣющійся у него узелъ. Является военный докторъ или только для переклички, если транспортъ пришелъ къ намъ (т.-е. если у насъ есть мѣсто), или же и для переклички, и для назначенія медицинскаго пособія, если больные направляются въ какое-нибудь отдѣленіе ихъ госпиталя. Я уже писала, что это военный госпиталь, часть котораго находится въ вѣдѣніи Краснаго Креста. Вся административная часть лежитъ на военныхъ врачахъ. Перекличка продолжается иногда часа 4—5, причемъ врачъ, измученный и усталый отъ работы, надсаживается, выкрикивая: «Ивановъ, Петровъ, Семеновъ» и т. д.

«Эй, ты, Иванъ Якимовъ, 4-го Капорскаго (?) полка 5-й бригады!» Гдѣ-нибудь тамъ, вдали, между грудой лежащихъ кучъ—одна изъ нихъ начинаетъ пошевеливаться, приподнимается, и, если есть силы, начинаетъ двигаться къ врачу. Врачъ же въ это время читаетъ дальше присланный съ больнымъ листокъ и вычитываетъ, что у больного diarrhea.

«— Ну, что ты—боленъ?»

«— Боленъ, ваше высокородіе».

«— Чѣмъ ты боленъ?»

«— Поносомъ, ваше высокоблагородіе».

«— Покажи языкъ».

Больной высовываетъ языкъ. Докторъ проводитъ пальцемъ по языку и говоритъ:

«— Діарреи нѣтъ. Ну, бери вещи и иди вонъ въ ту палатку!»

Снова начинается выкрикиваніе. Но больной замѣшкался. Докторъ же спѣшитъ, ему некогда (ему дѣйствительно некогда). У больного діагнозъ—intermittens. Докторъ бросаетъ листокъ на руки фельдшера и говоритъ второпяхъ.

«— Ну, вотъ отдай ему intermittens и вели идти въ ту палатку. А ты чѣмъ боленъ?»—обращается онъ къ другому.

«— У меня, ваше благородіе, въ грудяхъ болитъ».

Докторъ въ это время наскоро читаетъ его діагнозъ на листкѣ: тамъ написано—disenteria.

«— А поносъ есть?»

«— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, онъ былъ, а теперь...»

Но докторъ не слышитъ, онъ спѣшитъ скорѣй принять, потому что сегодня можетъ быть придетъ еще транспортъ, приказываетъ показать языкъ, также проводитъ по немъ пальцемъ и заключаетъ.

«— Да, похоже на disenteria. Веди его вонъ въ ту палатку. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Я, пожалуй, засвѣтло не успѣю со всѣми покончить!»

Наконецъ, больные размѣщаются, и въ нашихъ палаткахъ начинается обходъ, причемъ больнымъ ставятъ болѣе или менѣе подходящіе діагнозы и даютъ лѣкарство. Весь транспортъ въ день пріѣзда отъ Краснаго Креста поится чаемъ. Ѣсть въ этотъ день рѣдко удается, потому что не имѣется такихъ запасовъ, хотя это и было бы необходимо, такъ какъ весьма нерѣдко солдатики пріѣзжаютъ голодными.

Бывали такіе случаи, что они ѣдутъ по одной дорогѣ, а поваръ по другой, такъ всю дорогу и не ѣдятъ; или же, какъ было въ позапрошлый разъ. Они послали повара впередъ въ одну деревню, чтобъ онъ тамъ приготовилъ обѣдъ, а сами (т.-е. ведущіе транспортъ) и забыли, что его послали туда и проѣхали другой дорогой мимо деревни, не заѣзжая въ нее. Это не сказки,—это голая истина.

При всемъ безпорядкѣ, въ нашемъ отдѣленіи просто царство небесное какъ служащимъ, такъ и больнымъ. У каждаго врача или одна большая

палатка, или нѣсколько маленькихъ; у врача имѣется для помощи или студетъ, или студентка и еще фельдшерица или сестра милосердія.

Я въ настоящее время только номинально состою при В. Г. Нестеровѣ, обхода съ нимъ не дѣлаю, съ нимъ ходитъ сестра или фельдшерица, которыя потомъ раздаютъ и лѣкарство, я же въ это время обхожу глазныхъ больныхъ. Въ моемъ вѣдѣніи находится одна большая палатка, а такъ какъ глазныхъ болѣзней много, то я получила въ свое вѣдѣніе еще полбольшой палатки у одного доктора. Въ мои владѣнія не заглядываетъ даже В. Г. Нестеровъ, я введена въ свои права самимъ проф. Чудновскимъ. Я могу предъявлять требованія для своего отдѣленія медикаментовъ и другихъ принадлежностей, могу выписывать больныхъ, если нахожу ихъ здоровыми, и отсылать обратно въ полкъ; могу, наконецъ, другихъ больныхъ транспортировать далѣе, если нахожу, что болѣзнь можетъ затянуться. Чудновскій даже разрѣшилъ мнѣ сегодня получить глазные инструменты и производить въ случаѣ надобности операціи. Конечно, мнѣ было бы интереснѣе имѣть терапевтическія палатки, но здѣсь вся терапія заключается въ хининѣ, опіи, валерьянѣ, Доверовыхъ порошкахъ и касторовомъ маслѣ, такъ что тоже не особенно интересно. Видно, ужъ судьба моя такая, что мнѣ не приходится разставаться съ глазными болѣзнями. Но все же это лучше, чѣмъ быть въ подчиненіи въ качествѣ фельдшера или помощника: это хорошо еще въ томъ отношеніи, что я *оффиціально* самостоятельна; разница моего положенія съ врачами та, что я не только предписываю, но сама и примѣняю лѣкарства. Къ В. Г. Нестерову я отношусь только тогда, когда нужно сдѣлать подкожныя впрыскиванія,—этого онъ не поручаетъ ни фельдшерицѣ, ни сестрѣ; также иногда приходится составлять ему и списки...

Останусь ли я совсѣмъ во Фратештахъ—это неизвѣстно, пока же мѣнять мѣсто не хочу, можно напасть на худшее. Больше всего еще привлекаетъ остаться медицинскій персоналъ. Нестеровъ пока остается. Онъ самъ доволенъ, что у него подъ командой такой дружный персоналъ. Чудновскій согласился нашихъ студентовъ оставить во Фратештахъ и не посылать къ К—ну. У насъ и студенты, и врачи помѣщаются въ одной палаткѣ, не говорю уже про столъ: онъ общій. У К—на же даже обѣдаютъ порознь; у него нѣтъ никакого общенія между студентками, студентами и врачами. Я теперь устроилась хорошо: получила, благодаря одному доктору,—онъ ушелъ въ палатку,—отдѣльное купэ въ вагонѣ и теперь имѣю возможность позволять себѣ такую роскошь, какъ ежедневное полное омовеніе всего тѣла.

Отъ нынѣшняго мѣсяца у меня, вѣроятно, останется 2—3 золотыхъ, не больше, потому что я много накупила вещей, отъ будущаго же мѣсяца надѣюсь скопить рублей 50, потому что здѣсь тратить приходится мало. Скверно только то, что у насъ здѣсь нѣтъ никакихъ фруктовъ, только арбузы и то очень дороги, полфранка за каждый, да и то не больно-то хорошіе, и виноградъ за око 80 сантимовъ—и то плохой довольно. Въ дан-

ную минуту я ѣмъ шеколадъ и очень довольна, что взяла его съ собой. Жара у насъ невыносимая.

Всѣ ли письма мои получены?

№ 6. Фратешти. 18 августа 1877 г.

Вотъ какъ сегодня я провела день. Встала въ 7 часу, пошла въ столовую палатку, гдѣ многіе уже были въ сборѣ; напилась молока и чаю... Напившись чаю, пошла къ своимъ глазнымъ больнымъ. Обойдя всѣхъ и раздавъ лѣкарство, я направилась къ доктору Лифле, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ операцію,—у меня очень разболѣлся палецъ, сдѣлался нарывъ; но на дорогѣ встрѣтила руманешти, который старался всѣми силами объяснить мнѣ, что у него болитъ рука, что его русскій солдатъ ударилъ, и онъ упалъ на руку. Принялась изслѣдовать. Гляжу: переломъ луча въ нижней трети. Скорѣй побѣжала къ доктору Лифле, чтобы наложилъ гипсовую повязку, потому что сама этого теперь сдѣлать не могу по случаю пальца. Наложилъ Лифле повязку, потомъ разрѣзалъ мнѣ палецъ; я хотя вытерпѣла эту операцію, но голова настолько закружилась, что я рѣшилась прилечь въ студенческой палаткѣ на одной изъ кроватей. У насъ, студентокъ, денного пристанища нигдѣ нѣтъ; мы стѣсняемъ студентовъ, сидимъ у нихъ, т.-е. я,—другія больше по своимъ вагонамъ. Вмѣсто того, чтобы немножко отдохнуть, я, оказалось, совсѣмъ заснула, да такъ и проспала до обѣда; обѣдать разбудили, послѣ же обѣда легла снова и снова заснула вплоть до шести часовъ вечера. Тутъ пришелъ транспортъ,—больныхъ у насъ теперь больше тысячи, можетъ быть около двухъ. Теперь всѣ транспорты состоятъ почти исключительно изъ терапевтическихъ больныхъ, хирургическихъ совсѣмъ нѣтъ; только вотъ сейчасъ (вечеромъ) пріѣхалъ одинъ офицеръ, говоритъ, что раненъ подъ Шипкой, что этотъ проходъ у русскихъ, что турки были отбиты; что у насъ раненыхъ около 2 тысячъ, и они всѣ ѣдутъ сюда. Вотъ будетъ работы-то! У насъ теперь и помѣщать некуда. И такъ пришелъ транспортъ, но у меня при этомъ обязательнаго дѣла теперь не бываетъ. Жена Нестерова въ это время ѣхала во Фратешти (въ деревню) отдавать прачкѣ бѣлье; поѣхала и я съ ней... Когда мы вернулись, происходила пріемка транспорта, и я присоединилась къ одному изъ врачей и стала принимать больныхъ. На войнѣ терапія очень простая: если поносъ—значитъ дизентерія; если трясетъ—лихорадка; если все въ жаръ бросаетъ—тифъ; отъ первой—капли Чудновскаго; отъ второй—хининъ; отъ третьяго—валерьянъ... Къ 9 часамъ пріемку транспорта уже покончили, пошли ужинать и чай пить, а потомъ я сейчасъ же и въ вагонъ ушла. Мнѣ начинаютъ надоѣдать разговоры,— они однообразны больно. Не думай, однако, чтобы постоянно такъ бездѣльно проходило время, какъ сегодня,—иногда вздохнуть некогда, такъ много работы.

За ужиномъ*) прибѣжали сказать, что фельдшеръ одинъ отравился: онъ, вмѣсто касторовaго масла, выпилъ концентрированный растворъ карболо-

*) По случаю того, что на пальцѣ былъ нарывъ.

вой кислоты. Теперь лежитъ, бѣдный, противъ моего вагона; отпаиваютъ молокомъ,—не знаю только, выходятъ ли. Медицинскаго персонала у насъ теперь бездна: прибавилось вчера двѣ фельдшерицы, а сегодня 15 фельдшеровъ!

Удивляюсь ужасно, отчего ни отъ кого изъ васъ до сихъ поръ не получала писемъ. Я думаю, уже разъ семь писала тебѣ свой адресъ, отправляя письма то по румынской, то по русской почтѣ. Понятно, если будешь писать по румынской почтѣ, такъ нужно будетъ адресъ мой написать по-нѣмецки. Снова повторяю, можно писать въ Бухарестъ: Galea Mogosoi, Strada Romana, № 2, г. Рихтеру—главному уполномоченному Краснаго Креста, но лучше во Фратешти,—думаю, что скорѣе дойдетъ.

19 августа.

Сегодня весь день и почти весь вечеръ шла бомбардировка Журжева. Русскіе почти не отвѣчали на зазывъ турокъ; но, говорятъ, съ завтрашняго дня начнется настоящая осада Рущука и къ 25-му дѣло должно быть кончено. Я сегодня отправлялась въ деревню Фратешти, въ госпиталь К—а на операцію: производилась ампутація руки и переливаніе ампутированному крови. Кровь взяли изъ одного руманешти, которому заплатили за это 15 руб. сер. У К—а лучше въ научномъ отношеніи: тамъ госпиталь постоянный, т.-е. больные тамъ лежатъ, ихъ оперируютъ, ихъ можно наблюдать; но за то обязанность студентокъ и студентовъ тамъ чисто фельдшерская, самостоятельности ни на грошъ,—изъ нашихъ тамъ М—ва. Врачи и самъ К—нъ настолько держатъ ихъ въ подчиненіи, что даже не обѣдаютъ вмѣстѣ; живутъ, понятно, тоже отдѣльно. У нихъ совсѣмъ нѣтъ той общности, нераздѣльности и отсутствія чиновъ, какое существуетъ у насъ. Каждый врачъ можетъ посылать М—ву, какъ фельдшера, за чѣмъ ему нужно, чего у насъ никакъ не можетъ быть, тамъ выговоры сыплются на каждомъ шагу, какъ орѣхи; а отлучиться куда-нибудь—Боже упаси!—нельзя и надѣяться. У насъ же ступай хоть когда хочешь, только попросятъ поспѣть къ транспорту... Теперь у насъ санитарнаго персонала назначена бездна, но за то и больныхъ много: 2,200 человѣкъ, да завтра 2,000 ждутъ,—некуда размѣщать, нечѣмъ кормить. Одного медицинскаго персонала, считая съ сестрами и санитарами, у насъ чуть ли не около 60 человѣкъ, да каждый день еще какая-нибудь ватага проѣздомъ заѣзжаетъ. У насъ какой-то остановочный пунктъ для всѣхъ, такъ что видѣть новаго народу приходится масса. Это чрезвычайно любопытно—совсѣмъ въ моемъ вкусѣ такая бивуачная жизнь. Но научной пользы у насъ уже никакой; мы только знаемъ принимать, отсчитывать капли, высыпать порошки, размѣщать по палаткамъ, койкамъ или просто на соломѣ, а потомъ сплавлять однихъ далѣе въ Россію, другихъ обратно. Это жизнь вѣчнаго снованія изъ стороны въ сторону, бесѣдъ и разговоровъ урывками,—начнешь съ однимъ, продолжаешь съ другимъ, а кончаешь съ 3-мъ, причемъ каждый изъ нихъ, можетъ быть, совсѣмъ иного калибра, совсѣмъ изъ другихъ мѣстъ и т. п. Опредѣленнаго и постояннаго ничего нѣтъ. Се-

годня я познакомилась съ однимъ врачомъ, который завѣдуетъ снабженіемъ военныхъ госпиталей медикаментами. Онъ постоянно въ разъѣздахъ, часто ѣздитъ въ главную квартиру; приглашалъ меня какъ-нибудь поѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Я совсѣмъ не прочь, но не думаю, чтобы это могло устроиться, потому что дѣла нельзя будетъ своего оставить,—а мнѣ ужасно хотѣлось! Завтра вотъ онъ зоветъ въ Журжево—посмотрѣть на перестрѣлку, но мнѣ и то нельзя: придетъ большой транспортъ. Здѣсь хорошо бы жить самой по себѣ, т.-е. не получая денегъ, можно бы было многое повидать: каждый изъ военныхъ и изъ завѣдующихъ съ удовольствіемъ предлагаетъ мѣсто въ своемъ экипажѣ, когда ѣдетъ куда-нибудь.

20 августа.

Если сидѣть въ сборной (столовой), никогда ничего не сдѣлаешь: тамъ вѣчно народъ, сбирающійся со всѣхъ странъ, вѣчная болтовня обо всемъ и въ сущности ни о чемъ, вѣчное переполненіе желудка если не ѣдой, такъ чаемъ,—не чаемъ, такъ арбузами, виноградомъ. Виноградъ уже продается по 3 галагана (30 сантимовъ—это около 8 копѣекъ, на номинальный курсъ) за око, арбузы такіе громадные, какъ однажды привезъ намъ братъ Иванъ *) изъ Одессы—тоже по 3 галагана, только дыни дороже и притомъ мучнисты какъ-то на вкусъ. Больше все приходится платить дороже, потому что покупаешь здѣсь у служителей,—въ Журжево и во Фратешти каждый день не наѣздишься. У служителей за дыню приходится платить полфранка. Арбузы по-румынски — *пепены*, а дыни — *пепены-гальды*.

Теперь у насъ въ столовой палаткѣ засѣданіе: собрались члены новоосновываемой здѣсь эвакуаціонной коммиссіи и толкуютъ, какъ распредѣлять, лѣчить и отправлять больныхъ...

Мимо насъ проѣзжаютъ всѣ студентки, и теперь проѣздомъ въ Зимницу находится 5 человѣкъ: *Вашкевичъ*, *М. Попова*, *Ангелова*, *Бестужева*, *Соловьева*. Онѣ было ѣхали къ Я—чу, но такъ какъ пока еще неизвѣстно, гдѣ онъ, то ѣдутъ къ Ле—ну (харьковскій профессоръ). У насъ стоитъ много моряковъ, часто солдаты останавливаются лагеремъ, много офицеровъ... Ермолова (племянница нашей М. Г. Ермоловой) уже пріѣхала,—говорятъ,—дня 3 какъ здѣсь, только я съ ней ни разу еще не встрѣчалась.

Чѣмъ дольше живу здѣсь, тѣмъ больше довольна, что не осталась въ Россіи: здѣсь такъ много новаго, такъ много разнообразія, столько новыхъ лицъ встрѣчаешь, сколько, живя въ Питерѣ, и въ 4 года не встрѣтишь. Я не говорю, конечно, чтобы тутъ было удобно, неудобствъ масса, но всѣмъ этимъ можно пренебречь, зная, что такая жизнь временная. Не говорю я также, что довольна именно тѣмъ, что нахожусь во Фратештахъ,—нѣтъ, я главнымъ образомъ довольна тѣмъ, что поѣхала на войну; мнѣ бы хотѣлось пожить по разнымъ госпиталямъ, объѣздить бы здѣсь побольше мѣстъ, не знаю только, удастся ли.—Видишь, какъ я скверно пишу? Съ

*) Недавно умершій профессоръ Новороссійскаго университета И. С. Некрасовъ.

одной стороны оттого, что приходится всегда писать въ вагонѣ,—значитъ, на колѣняхъ, а съ другой—потому, что палецъ болитъ, какъ нарочно разболѣлся правый указательный. Мнѣ бы хотѣлось начать писать послѣдовательнѣй... Однако это ужасно, какъ вы долго мнѣ не пишете!... До тѣхъ поръ послѣдовательно не буду писать, пока не получу отъ васъ писемъ. Пишете, пожалуйста, чаще, письма изъ Россіи здѣсь могутъ цѣниться на вѣсъ золота... По № это письмо 6, а по счету оно 7, потому что №—да, можетъ быть, даже на двухъ письмахъ—не было (выставлено), я пишу чуть не каждый день. Крѣпко васъ всѣхъ цѣлую.

Сейчасъ Петровой привезли письмо, какъ мнѣ завидно! Неужели я долго не дождусь отъ васъ письма? Правильно ли мои письма доходятъ къ вамъ? Я всего одно закрытое послала по русской почтѣ, а остальныя—по румынской. Говорятъ, и по русской доходятъ всѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).